

Рогожина Любовь

Чилимьята

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Любовь Рогожина

Чилимьята

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Рогожина Л. Н.

Чилимьята / Л. Н. Рогожина — «ЛитРес: Самиздат», 2010

...Я смотрю на небо: оно усыпано звёздами. Одни звёзды яркие, большие, мерцающие яркими огнями. Другие мелкие, как бусинки, они едва различимы на величественном небе. Ярких звёзд - единицы, мелких - значительно больше. Маленькие звёздочки как бы создают фон, оттеняя красоту и сияние крупных звёзд. Так и люди. Обыкновенные маленькие люди дают возможность понять и оценить красоту окружающего мира. Без них этой красоты просто бы не было...Содержит нецензурную брань.

Предисловие

Я где-то слышала о странной теории, по которой все вещи, все предметы в жизни людей на нашей планете, кроме непосредственного назначения, имеют и скрытый философский смысл. Вот, например, стол. Столы возникли, наверное, на определенном уровне развития человеческого интеллекта. Действительно, зачем получеловеку-по-луживотному стол? Поесть он может и на земле. А на определенном уровне развития стол становится необходимым, причем используют его люди не только по прямому назначению. Сидя за столом, люди разговаривают, общаются друг с другом, то есть стол способствует умственному развитию человечества. И в этом его философский смысл. Шляпка подсолнуха напоминает солнышко, дающее тепло всему живому. Обрамление из желтых лепестков – это как солнечные лучики, а семечки – это как множество людей на нашей планете. Каждая семечка – человек, личность, индивидуальность. Семечки плотно примыкают друг к другу, люди образуют семьи. Семья – ячейка общества. Чем плотнее примыкают семечки друг к другу – тем крепче семьи. Содружество семей образует общество так же, как крепкие, вызревшие семечки образуют соцветие подсолнуха. Сгнил подсолнух, высыпались из соцветия гнилые, перепревшие семена. Больное, деградирующее общество – страдает каждая его ячейка-семья. И наоборот, плохо живут люди в семьях – страдает все общество. Так и все члены семьи моих бабушки и деда крепко держались друг за друга, старались помогать друг другу, были вместе и в горе, и в радости. Это давало силы бабушке и деду содержать большую семью: детей было шестеро: три дочери и три сына. Жили до войны небогато, но за куском хлеба по соседям не ходили. Дед с бабкой много трудились сами и приучали с малолетства к труду детей. И все бы было хорошо, если бы не война...

Мой дед, Григорий Алексеевич Митяшин, взят на войну одним из первых в деревне. Ни одной весточки не получила от него с фронта бабушка, Анна Федоровна Митяшина. Лишь в 1943 году получили известие том, что пропал он без вести. И осталась бабушка одна с шестерыми детьми («чилимятами», как их называли в деревне по прозвищу отца), старшей было в начале войны 16 лет, а младшему – два года.

Я хочу рассказать, как они жили, как сложились их судьбы. И сделать я это хочу для того, чтобы скрепить памятью поколений маленькую ячейку человеческого общества – семью моих деда и бабушки.

Глава I

Домработница Маня

Сколько она себя помнила, всю свою жизнь она думала о деревне. Видела большую, судорожную реку Суру, в которой так хорошо скупнуть уставшее от работы тело, видела поля с высоким травостоем (Сколько травы можно накосить!), видела вишневые сады... Помнила руки матери, будившие ее на тяжелую крестьянскую работу:

- Вставай, Маня, пора... – Спать хотелось невероятно. Глаза не расклеивались.
- Вставай, девка, чай, не барыня... Привыкай!

И вставала, и шла, и работала за двоих, за троих, сколько сил хватало...

Время было тяжелое, послевоенное... Мужиков в деревню вернулось мало, да и те, что вернулись, чаще всего были инвалидами. Отец Мани, да и не только Мани, а и всех чилимьят, пропал без вести. Во всяком случае, так было написано в тоненькой серой бумажонке, которую вручил брату Ивану председатель сельсовета. Ему, наверно, не хотелось нести черную весть чилимятам, он и отдал похоронку Ивану. А тот запрятал ее и никому не показал. И все выяснилось, лишь, когда с другого конца села пожаловали в их домишко две редкие гости, зажиточные сестры отца. На предложение матери пообедать вместе с чилимятами (они как раз сидели за столом, только ложки стучали) отказались. Наконец одна вымолвила:

- Слыхали, от Григория весть получили? Мать отрицательно качнула головой.
- Дак, как же, чай, не сами мы придумали – люди болтают. Ванюшке вон отдали...

– Мать повернулась к Ивану, а тот – (знает кошка, чье мясо съела!) – сиганул на полати. За ним метнулась старшая Дуня (все чилимьята звали ее няней – все с разницей в полтора–два года прошли через ее руки):

– Ты чаво, дурак? Давай бумагу! – От сильной затрешины, а еще больше от обиды, Иван заревел. А за ним заголосили и все чилимьята. Мать только глаза от стола подняла, все смолкли: ее слушались беспрекословно.

– Ваня, сынок, где бумага?

– Да потерял я ее, мам... Чай, там все равно вранье одно... – хлюпал носом Ванька.

– Что там написано-то было? Аль ты забыл?

– Пропал тятя без вести... Можя, живет где... Али раненый...

Ванька вновь заревел, а за ним и все заголосили, как по покойнику.

Смахнув слезы тяжелой, крестьянской рукой, с полувздохом-полустоном встала старшая сестра отца, Марья:

– Сгинул Чилим... Царствие небесное... Пропадешь ты, Анна, с этакой оравой. Чаво делать думаешь?

– Чай, я не одна такая! Бог поможет...

– Ну-ну... В магазин пойдете, к нам заглядайте... Чай, мы не чужие – выдавила старшая сестра Анастасия, поднимаясь с лавки... Помнила Маня, как не любили сестры отца мать. А Маня, когда была поменьше, удивлялась этому. Мать, статная, красивая, с длинной косой до пояса и невысокий, незаметный, почти лысый с молодых лет отец... Только, когда стала взрослее, из обрывков фраз поняла, что была мать сиротой, у которой «всего ничего: одна рубаха с перемывахой». А у отца семья, хоть и не была богатой, считалось зажиточной. Женился отец против воли семьи, но жили молодые счастливо. А отец получил в деревне прозвище – Чилим, что в народе значит – упрямый. Упрямый-то упрямый, но вот ушел и, как в воду канул, ни письма, ни весточки... После войны Ванька часто говорил:

– Жив отец, за границей, наверно...

Мать вздыхала:

– Брось болтать, Ванюшка... Кому он там нужен – безграмотный русский мужик... Сгинул он, сгинул, как в мясорубке... – и начинала плакать...

Вспоминала Маня, как в послевоенное лихолетье крестьянские дворы начисто выметалось налогами: на молоко, на яйца, масло, мясо, на шерсть... Послабления, если и делали, то только семьям погибших за Родину. А семья Чилима таковой не являлась, ведь он не погиб, а «пропал без вести». Ярко вспыхивала в памяти картина: мать, обняв вечно голодного Федьку, накануне забравшегося к соседям, укравшего у них четвертушку хлеба и жестоко избитого ими, плачет и причитает:

– Не бери чужого, не бери чужого, дрянь... Лучше попроси... али потерпи... Чай, не ты один терпишь... Бог терпел и нам велел...

Еще одно воспоминание: на Пасху, отстояв ночь в церкви, мать стряпала... Пироги были из ржаной муки, сдобы в них положено мало, поэтому есть их надо было, пока они были горячими. Остыв, пироги мало чем отличались от засохшей корки хлеба. Угощая чилимьят такими пирогами, мать горько вздыхала:

– Видно, девки, никогда я белых пряников не наемся.

Позднее, в семидесятых, когда мать лежала парализованная, приехавшая Маня угощала ее свежими пряниками из города:

– Мама, поешь пряников, ты ж хотела... Помнишь?

И мать, умевшая говорить два слова: «да», «нет», сказала, как выдохнула:

– Нет, – и перекрестилась, глядя на икону, левой рукой (правая была парализована). И непонятно было, что «нет» – то ли, не помнит, то ли не хочет пряников. Тогда, в начале пятидесятых, Маня поехала в Москву. Спасибо председателю сельсовета, помог «выправить

паспорт», как тогда говорили в деревне. Пожалел он чилимьят, да и родней им дальней доводился. Москва показалась Мане огромной, крикливой и бестолковой. Устроилась домработницей. Люди попались хорошие: преподавали в институте, имели хорошую квартиру в центре города и дачу за городом. Вот эта-то дача и стала Маниной заботой. Маня успевала все: полола, поливала, садила, и все делала с удовольствием. Это напоминало ей деревню. Только здесь было много цветов. Сначала Мане это не понравилось: цветы казались ей ненужным баловством.

– Сколько можно было на этом месте капусты либо огурцов посадить, – думала Маня. Но потом, когда цветы зацвели, заблагоухали, ей даже понравилось. Хотелось сидеть, смотреть на цветы, вдыхать их сладковатый аромат и думать о деревне. Странно: в Москве было много хорошей еды, труд не был в тягость, хозяева попались хорошие – живи и радуйся. А душа болела и болела... Каждый день снилась деревня, ее поля, огороды, река. Снились мама, братья, сестры... Может, потому, что в военное лихо-летье смогла Маня закончить всего три класса, не было у нее какого-то желания ознакомиться с Москвой поближе, посетить музеи, театры. Этого ее душа не просила, потому что не знала, что это такое и для чего оно нужно людям. Приехала в гости сестра Лиза. Маня обрадовалась ей, даже нашла Лизе работу на соседней даче. Но Лиза ревела по маме и деревне день и ночь не переставая, не хотела, есть пряники и булки, готова была, есть черный хлеб, но в своей деревне. Она оживилась только тогда, когда Маня предложила ей съездить на Красную площадь:

– Там наши деревенские собираются, мне Манька Чекушина болтала, плачут по деревне...

Они поехали, и, действительно, нашли целую группу желающих вспомнить деревню. Встреча здесь, в огромном городе, людей из одной деревни сблизила их. Говорили, перебивали друг друга, перескакивали с одного на другое, вспоминали, плакали, плакали и вспоминали... Не смотрели они на башни Кремля, не наблюдали смену караула у Мавзолея. Много позже, когда дочь спросила Маню, была ли она на Красной площади, когда жила в Москве, та ответила:

– Да, там мы все собирались поплакать о деревне. О других особенностях этого места она не могла сказать ничего. После отъезда Лизы Маня совсем загоревала. Сообщила о возможном отъезде своим хозяевам. Василий Львович (так звали хозяина) подошел к Мане и заговорил:

– Машенька, что случилось? Мы вас чем-то обидели?

– Да что Вы, Василий Львович, совсем нет. Я просто хочу домой, в деревню, к маме.

– Милая моя, я сам из деревни. Поверьте, это пройдет. Не хотите быть домработницей, я помогу вам устроиться на завод. Выучитесь, освоите профессию, получите со временем квартиру, и всю жизнь будете мне благодарны. А в деревню поедете в гости.

Маня молчала, а хозяин продолжал:

– Впрочем, подумайте обо всем сами. Не смею настаивать на своем предложении.

Через неделю Маня вернулась в деревню. А еще через месяц поезд нес ее на Урал, на шахты. Она ехала к брату Ивану, решив, что, если ей суждено жить в городе, то лучше поближе к родному брату. Все-таки защита и опора.

Глава II

Иван – «народная красавица»

Старший из чилимьят – Иван – носил прозвище «Народная красавица». Обязан он был таким прозвищем своей тетке по матери – одинокой старой деве, которую все чилимьята звали Лелей. У Лели никогда не было семьи, не было детей, поэтому всю свою любовь она отдавала племянникам. А Иван, вообще, был ее любимцем. Позднее жена Ивана, Матрена Николаевна, или просто Мотя, смеясь над прозвищем, спрашивала:

– А почему красавица, а не красавец? Ты вроде как штаны носишь...

– Главное, что не урод, – отшучивался Иван, – а что я красавец, а не красавица – я тебе ночью доказывать буду. – И смеялся, косясь на покрасневшую жену. И был он, действительно, привлекателен той русской красотой, которую особенно ценят в деревне: невысокий (все чилимьята были невысоки, в отца), коренастый, широкоплечий, с сильными руками и крепко стоящими на земле ногами, он напоминал крепкий дубок, привольно раскинувшийся на своей родной почве. Черные, как смоль, волосы, зачесанные назад, и густые, широкие, причудливо изогнутые брови того же цвета, правильные черты лица и широко раскрытые карие глаза, смотрящие на мир с доброй хитринкой.

Он как бы говорил миру:

– Вот он, какой я, Ванька-Чилименок! А что ты можешь мне предложить?

Мир мог предложить Ваньке немного: в годы войны часто черствой корки хлеба не было, от супа с крапивой болел живот, но на Ваньку как на старшего брата смотрели остальные чилимьята, и он бодрился:

– А как батя на фронте? Чай, ему трудней, чем нам, а он бьет фашистов в хвост и в гриву, не питит, как вы. – А особо жалующимся отвешивал легкие подзатыльники. Хуже стало, когда пришло известие, что отец пропал без вести. Бумагу председатель отдал Ивану, тот скрыл все от матери и детей. Но шила в мешке не утаишь, страшная весть поразила в самое сердце... Мать часто плакала. Делала она это незаметно, беззвучно, только плечи содрогались от сдерживаемых рыданий. Видеть это Иван не мог. Ночью он часто видел сны: воюет, мстит за отца, за плачущую мать, за голодных братьев и сестер. Во сне все было не страшно, все удавалось, немцы падали, просили прощения. Там же он встречался с отцом, который вовсе, оказывается, не пропал без вести, их обоих награждал командир за чудеса проявленной храбрости. Осенью 1944 года Ваня был призван в армию. Сны сменились реальностью, которая разительно отличалась от тех полудетских снов.

Позднее Иван рассказывал сестрам:

– Мы, молодые, остались живы благодаря бывалым фронтовикам. Нашу часть ставили вместо отошедшей на отдых боевой части, чтобы не разорвать линию фронта. Как эти усталые, израненные, измученные люди жалели нас, молодых мальчишек, старались, во что бы то ни стало сохранить нас живыми и здоровыми.

– А чего это они, – встрял Федька, – вас жалеют, а себя нет?

– Дурак ты, Федька, – беззлобно выругался Иван. – Они, чай, соображали... Нам восстанавливать все, что разрушено войной. Делов хватает.

Но до мирного труда было еще далеко. Закончилась война, отслужил Ванька положенные три года. А затем главнокомандующий издал указ: в связи с тем, что в вооруженных силах была неразбериха со сроками службы и контингентом военнослужащих, призванных в конце войны, срок службы им считать заново. И служил Иван-чилименок долгие семь лет вместо положенных трех. А вместе с ним служили все бойцы 1927 года рождения. Демобилизовался, пришел домой, в деревню. В деревне ничто не радовало глаз. Колхоз влачил жалкое существование, люди работали за пустые, ничем не обеспеченные трудовни (народ недаром прозвал их «палочками»). Все, что можно было вырастить в частном хозяйстве, уходило на уплату налогов. Открытых возмущений не было – люди боялись. Приоделся Ванек, прогулялся по вечерам. Молодежь была откровенней.

– Я в колхозе жить не буду, Лучше в город закачусь, И за палочки трудиться.

Ни за что не соглашусь, – пели озорно девчата.

А парни отвечали, намекая, что, кроме колхозных, есть у них и другие интересы:

– Я Мотаню замотаю и повешу на плетень,

Ты, виси-виси, Мотаня, тебе пишут трудовень.

Понял Ваня: трудом в колхозе матери не поможешь. Решил ехать на Урал: там открывались новые шахты, строились заводы. Перед отъездом решил навестить сестру Маню, которая

работала на торфоразработках (послали от колхоза). С сестрой его связывала крепкая дружба, их разделяло всего три года. Поехал. Повез ей картошки из дома да купил к картошке соленой кильки. Понимал: она там не одна, есть в углу в одиночку не будет. Так сколько же купить кильки? – размышлял Иван. – 200, 300, 500 граммов? А вдруг засмеют?

В конце концов, решил купить килограмм. Получился огромный кулек. Каково же было его удивление, когда килька разошлась за пять минут! Уезжая и прощаясь с торфушками, так он их назвал, Ванёк спел им частушку собственного сочинения:

– Ох, торфушки, Девки бойки,
Пели, веселились, Съели кильки килограмм
И не подавились.

На самом же деле настроение его было отнюдь не радостным. Труд на торфоразработках был каторжным, было жалко сестру, да и других девчат тоже. Тут же, на торфоразработках, нашел Иван и свою Мотю, или, как он ее в добрые времена называл, Матрену Николаевну. Была Мотя из этой же деревни, что и Иван. Позднее, рассказывая о том, как полюбил он Мотю, смеялся:

– Люди в деревне болтали, нет красивей, чем Мотя. Ну, а мне долго ли? Пришел, увидел, победил... Потом нашел и лучше, и красивее... да мой поезд уже ушел. Так и пришлось со своим самоваром в Тулу, то есть, на Урал ехать.

На Урале сначала жили каждый в своем общежитии: Мотя – в женском, а Иван – в мужском, потом дали комнату 9 квадратных метров в неблагоустроенном доме. Иван в шахту работать не пошел: с детства не любил замкнутого пространства, а тут еще и под землей! Окончил курсы шоферов, стал работать на грузовике. Мотя устроилась сигналистом на шахту. Родился сын, Анатолий. Жизнь налаживалась. Теперь Ваня мог помочь матери, младшим чилимьятам, оставшимся в деревне.

И он помогал, как только мог: Федька задумал строить дом – Иван и деньги посылал, и в отпуск ездил, помогал в строительстве. Любил привозить подарки матери, сестрам, братьям. А уж те его ждали так, как только могут ждать в деревне. Сестра Маня переехала к Ивану аж из самой Москвы. Первое время жила вместе с Мотей и Иваном в их девятиметровой комнате. Маня вышла замуж за приятеля Ивана, Николая. Деваться молодым было некуда, поэтому первое время все жили в девятиметровке. Так что когда родился Анатолий, у него было много нянек. Позднее Николай вспоминал:

– Толька заплачет, а никто не слышит. Встаю, бужу Мотю – ребенок ревет, не слышишь, что ли?

Тогда и проявилась та черта Ваньки, о которой старшая сестра (няня) предупреждала давно:

– Надо во всем ему быть наотличку, первым. Самым красивым, умным, богатым и прочее. Одно слово – «народная красавица». Стал Ванёк не просто шофером, а одним из лучших шоферов гаража. Женился не просто на девушке, а на первой красавице деревни. Среди деревенских стало модным покупать частные дома – Ванёк купил его одним из первых, накопив деньги так быстро, как только мог. Причем не стеснялся в средствах: часто халтурил на государственной машине, как на своей собственной. Посылали от гаража в соседнюю область на уборку урожая – халтурил и там. Не гнушался там купить дешевое зерно, а приехав, перепродать его дороже. Но если бы только это. Эта черта – стремление выделиться, быть первым иногда доходила до смешного. Приехали Иван с женой и Маня с мужем на свадьбу Лизы в деревню. Ванёк первым делом отправился к старшей сестре – «няне»:

– Нянь, денег займы одолжи... Потом отдам, пришло...

– Зачем тебе? Чай, ты не без денег в гости приехал?

– Свадьба завтра. Молодым подарки будут дарить. Хочу, чтоб от меня подарки были самыми лучшими, самыми дорогими... Чай, я – старший брат...

Няня нахмурилась:

– А я – старшая сестра, так что не выпендривайся, дари, сколь есть, сколь накопил... Чай, не ты один, всем повеличаться хочется...

Даже брюки-клевш у него были самые широкие в поселке. Об этом он сам спел в частушке собственного сочинения:

– Ох, забирают, забирают,

А вы, девушки, куда?

У меня штаны широки –

Полезайте все туда.

Пел и смеялся, глядя на смущенных девушек.

Или еще... Иван не только сам хотел быть везде первым, но и желал видеть таким же своего сынишку. Поэтому он, начиная с трех лет, мучал ребенка, пытаясь научить его читать. Чуть ли не насильно усаживал сына за стол, раскрывал букварь и начинал:

– Смотри, сюда, Толюнька... Какая это буква? А эта?

Толик молчал, тоскливо глядя на игрушки в углу комнаты.

– Ну что же ты, а? Учись давай: вот это – «б», это – «а», а это – какая? Толик не издал ни одного звука. Отец сердился:

– Что ты за бестолочь такая! Какая это буква?!

Ребенок покраснел от обиды и, чуть не плача, выдал:

– Какая, какая... Буква – говно!

Стремился Ванёк быть и самым веселым, забавным. Ему нравилось, когда другие рассказывали о нем что-либо смешное, забавное, похожее на анекдот. Сестра Маня с мужем тоже купили частный дом в шахтерском поселке, только на другом конце его. Маня работала вместе с Мотей на шахте, Николай – на строительстве взрывником. У них родилась дочь Любаша. Иван стал крестным отцом Любы, был очень привязан к девочке. Часто заходил в гости к Мане, засиживался с Николаем за бутылочкой допоздна. Сказать, что пьяницы – да нет, не скажешь. С бутылки вина поначалу оба были пьяными. Но и всухую не встречались. Какой же разговор у русских мужиков без бутылочки? Когда дело близилось к ночи, Ванёк начинал собираться домой, просил Маню:

– Сестренка, проводи меня!

На предложение Мани переночевать у них отвечал отказом:

– Да ты что, меня ж Матрена Николаевна ждет! И Толюнька!

– Ну пошли, горе мое, – вздыхала Маня.

Посреди дороги Ванёк делал вид, что не узнает сестру:

– Ты что ко мне привязалась, шалашовка такая? У меня жена есть, Мотя! Отцепись от меня, сучка вербованная! – и мотался по дороге из стороны в сторону, вытягивая последние силы из сестриных рук. Терпение Мани заканчивалось.

– Иди один, негодный! Иди домой! Можя, лучше один дойдешь! Маня поворачивала обратно. Опомнившийся Ванька голосил:

– Маня, сестренка, проводи! Чай, я не чужой тебе... Больше не буду баловать...

Вздыхнув, Маня возвращалась обратно. И все начиналось сначала.

В конце 1960-х годов сыну Ивана и Моти Анатолию было столько же, сколько его отцу ко времени начала Великой Отечественной войны. А Ванёк оставался все таким же, по прежнему работал шофером, вот только попивать стал чаще. Да и не он один. Свояк (муж Мани) Николай не отставал от Ивана, хотя и шофером не был. А шоферам, как говорится, и сам бог велел выпивать: водка стала «жидкой валютой» – ей расплачивались за любые услуги по доставке грузов, стройматериалов и прочего. После окончания Толей девятого класса Иван решил свозить всю семью в Москву, показать сыну столицу. По просьбе Мани взяли с собой и крестницу

Любашу. Памятной получилась поездка, ничего не скажешь. Много позже и Люба, и Анатолий, вспоминая, заливались хохотом.

Будучи человеком самонадеянным, Ванёк не покупал билеты заранее.

– Кассирша у меня знакомая, так что это без проблем, – заверил он жену. И вот за полтора часа до прихода поезда билетов у них не было. Наконец, нажав на все возможные рычаги, он купил билеты... не плацкартный, а в общий вагон.

– Там поменяем, – не унывал Ваня, – со мной не пропадете. – И уловив сомнение в глазах Моти, добавил:

– И вообще, не बारे... Ехать-то всего полтора суток... Глядишь, и жир на боках пообтрясется, – и ущипнул Мотю за вышеназванное место. Та только рукой махнула. Сели в вагон. Он был переполнен. Там негде было не то, что лечь на полке, но и просто сидеть, хотя бы на краешке. Приняв для храбрости на грудь, Ванёк отправился к бригадиру поезда. Что он там говорил, о чем просил, как убеждал – никто, кроме него, не слышал. Все было безрезультатно. В вагон он вернулся мрачней тучи, и с горя приложился к бутылочке еще раз. Наконец-то нашлось место, чтобы просто посидеть на полке, для Моти. А Толику и Любаше Ванёк предложил забираться на верхние багажные полки, где всегда лежат в плацкартном вагоне матрасы, а, в общем, за отсутствием таковых лежал толстый слой пыли. Кроме того, поперек этих полок проходила толстая труба вагонного отопления, которая, несмотря на лето, была почему-то горячей. Мотя не успела найти какую-нибудь тряпку, чтобы вытереть с полок пыль, а Толик с Любашей уже вытерли всю пыль своей одеждой. Матюкнув Мотю и назвав ее неряхой, обозвав молодежь балбесами, Иван отправился «пробивать лучшие места» (так он выразился). Ходил он долго, по мере «пробивания мест» степень опьянения усиливалась, а результат оставался неизменным. Наконец, вернувшись, он предложил Матрене Николаевне ту же багажную полку. Она отказалась. Заметив, что на «нет» и суда «нет», а он лично не из спесивых, Иван залез на багажную полку и тут же захрапел. Он залиvisto храпел на весь вагон всю ночь, но это было еще полбеды. Кишечник его, опорожняясь от скопившихся газов, издавал периодически звуки, по силе превосходящие храп. Звуки и, главное, запахи возмутили переполненный вагон. Если ночью кто-то дремал и не слышал происходящего, то утром проснулись все. Возмущению не было предела:

– Что там за свинья спит?

– Его надо немедленно разбудить!

– Где проводник?

– А что вам проводник сделает, если у человека совести нет?

– С кем он едет? Один, что ли?

Матрена Николаевна не знала, куда прятать глаза. Она делала вид, что не имеет к лежащему на верхней полке никакого отношения. Любаша и Толик зажимали рты от хохота, сотрясавшего их тела; спускаться с полок они не торопились. Наконец Иван проснулся и слез с полки. Его вид был настолько устрашающим, что никто не поторопился наводить порядок, сделать ему хотя бы замечание. Всклоченные волосы, опухшее от сна и с перепоя лицо... Грязный костюм и свирепое выражение лица довершали портрет нашего героя. Найдя на полу сумку, он достал оттуда бутылку самогона, заткнутую пробкой. Звучно стал выбивать пробку из горлышка ударами ладони по доньшку. На Мотю, смотревшую на него удивительно и смущенно одновременно, рыкнул:

– Хера ли смотришь? Готовь закуску!

В вагоне все делало вид, что ничего не произошло, и никто ничем не возмущался всего несколько минут назад... Москва встретила Ивана с семьей тотальным дефицитом всего, но, поскольку дома, на Урале, было еще хуже, здесь казалось все лучше, дешевле, красивее. В ЦУМе выстояли огромную очередь за болоньевыми курточками, потратив на это целый день. Тогда эти куртки были «последним писком моды», и Толик с Любой чувствовали себя абсо-

лютно счастливыми, приобретя их. Решено было обязательно сходить в Мавзолей В. И. Ленина. Жили на квартире у знакомых, далеко от центра, поэтому, когда добрались до Александровского сада, воротки его закрылись перед их носом. Из людей, попавших в Александровский сад, формировалась очередь посетителей Мавзолея. Разочарованию Толика и Любы не было предела, но не таков был Ванёк, чтобы так легко сдаться. Он медленно пошел вдоль решетки сада и увидел, что часть сада, его фрагмент, огорожен внутри сада деревянным забором, прилегающим к основной решетке. На участке, огороженном забором, что-то ремонтировали, строили солдаты. Подозвав Толика, Ванёк скомандовал:

– Лезь к солдатам через забор! А там они тебя в сад выпустят!

– А если нет?

– Выпустят – не съедят же они тебя!

И Толик прыгнул, а за ним и Любаша. Трудней всего было с Мотей, но наконец, Ванька убедил и ее. Так и случилось, как он предполагал: солдаты выпустили прыгнувших к ним людей в Александровский сад, где прогуливались счастливики, из которых и была сформирована очередь посетителей Мавзолея. И вот, гуляя по саду, Толик, Любаша, Матрена Николаевна с грустью думали, что Иван-то их пристроил в эту очередь, а сам не смог прыгнуть: солдаты опомнились и прекратили так называемые «нарушения границы». И вдруг... видят: идет Иван Григорьевич, только клещи развеваются, по аллее сада, подходит к ним и говорит:

– Что рты пораскрывали? Говорил: со мной не пропадете...

Как, где, когда он смог зайти в Александровский сад – осталось тайной. На все расспросы отвечал:

– Уметь надо... Я – не вы, своего добиваться умею...

Из Москвы заехали в деревню, покупались в Суре, сходили за грибами, ягодами, повидались с родными. Иван отметил, как постарела мать, сгорбилась, совсем старушка... Через год этого путешествия Иван отправился на уборку урожая в Курганскую область (послали от работы). Можно было отказаться, но хотелось подзаработать, подхалтурить, Маня убеждала брата:

– Хватит уж тебе денег-то хапать... Отдохни, не езд...

– Последний раз, сестренка, последний раз... Толюньке вот на машину коплю... – сказал, как отрубил.

Через месяц свояк Николай и Мотя уехали за телом Ивана, погибшего по пьяному делу на уборке. Дело было темное. Якобы, ехали за зерном, спрятанным днем; за рулем сидел друг Ивана. Оба были пьяны, залетели в какие-то ямы, машина закувыркалась. Иван решил, что надо выпрыгивать из кабины, чтобы остаться живым. Выпрыгнул, а в этот момент машина перевернулась набок. Голова Ивана попала прямо под перевернутое колесо. Водитель остался жив. Ивану было 43 года.

Хоронить приезжали сестры, брат, мать. Мать, обняв изуродованное лицо сына, плакала: «Народная ты моя красавица...»

Все, нажитое ей самой и мужем, благополучно промотала спившаяся Матрена Николаевна...

Глава III

Бедолага Федька

«Федька», «воришка», «плут», «Федька-пастух» – так его звали в деревне в детстве и в юности. «Что ты спустил штаны, как Федька Митяшин», «Вон Федька-чилименок с кнутом идет, вылитый пастух...» – это тоже о нем. Был Федька материнной болью и заботой. С того самого момента, когда будучи им на сносях, упала Анна в погребе и стукнулась об угол ларя животом. Боялись с Григорием: вдруг мертвый родится...

Слава богу, родился живым, но слабым, хилым, почти не способным сосать самостоятельно. Заморыш, одно слово... Выходила Анна сынка, оздоровел Федька. Радовался Григорий: сынок после двух дочек подряд, работник вырастет. Так бы и случилось, наверное, кабы не война... Ни одного письма не дождалась Анна от Григория с фронта, лишь в 1943 году получили известие о том, что пропал он без вести. Тяжко было всем: и Анне, и остальным детям, но Федьке – хуже всех. К началу войны ему шел седьмой годок. Сколько он помнил себя, всегда хотел есть. Помнит: закроешь глаза, и вот перед тобой плывут булки свежеепеченного хлеба, все румяные, с хрустящей корочкой, совсем не такие, как мать в войну пекла, наполовину с крапивой или с мякиной... Берешь булку, ломаешь, хлеб ноздреватый, горячий, а запах... У Федьки полон рот слюны голодной от такого видения... Других яств Федька даже представить себе не мог, столь редкими они бывали на столе у чилимьят.

– Чай, был ба хлебушек вдоволь – полегче жить было бы, – соображал своим умишком Федька. И однажды не выдержал Федюха искушения, залез в чулан к соседям, схватил полбулки хлеба и тут же, набив полон рот, удачно (так он думал) вылез из окна чулана, и вот он – спасительный забор... Перемахнул через него, и ты уже на своем подворье. Дальше – больше... Первой беду почувяла мать. Бесхитростный Федька выдал себя сам:

– Мам, чай, ты ба в квашонку побольше муки сыпала да меньше крапивы, вкуснее хлеб был ба. Вон, как у Кузяриных... аль у Саблиных...

Анна уговаривала, просила, плакала:

– Нельзя, Федя, чужое брать... Бог терпел, и нам велел... Чай, не одному тебе голодно... – и совала тайком от детей кусок хлеба...

Федька не внял уговорам матери. Голод – не тетка... И однажды брат Иван нашел Федьку, жестоко избитого, под забором у собственного дома... Вгорячах хотел Иван разобраться с обидчиками брата, мать запретила:

– Сам он виноват, горе мое... Воровать-то грех непрощенный...

Приказы матери у чилимьят не обсуждались, так и остался Федька неотомщенным. После побоев Анна смотреть на Федю без слез не могла: маленький, ниже всех из чилимьят (а и остальные – не Гераклы), в рваной одежонке, доставшейся после Ивана, с вечно голодными глазами, а лицо... Анна долго думала, на кого же похож сын, где-то она видела точно такое же страдающее лицо.

– На Ивана похож? Что-то, конечно, есть, братья все же... Но у Ивана лицо – решительное, взгляд – смелый, открытый, одно слово – «народная красавица». У Феди совсем не то: какая-то обреченность, беспомощность во взгляде. И однажды в церкви у иконы с изображением страдающего Христа вдруг поняла, на кого похож сын... И ахнула... И всегда, до конца своей жизни, просила Анна всех своих детей «не бросать Федю», «помогать Феде», а затем и его семье...

В 1943 году Федька пошел в школу, и тут еще одна неприятность ждала Анну: он проходил в первый класс два года, и так и не смог освоить программу первого класса. Когда Федька понял, что не может он освоить школьную премудрость, не складываются у него отдельные буквы в слова, а слова в предложения, вообще, забросил школу.

И так и остался на всю жизнь неграмотным в стране всеобщей грамотности. Зато любил он ходить на скотный двор, беседовать там со скотниками, пастухам помогал, знал клички всех коров в деревне. Да не просто клички знал, знал и характер каждой, ее повадки, знал с детства, где, на каких пастбищах, в какое время года надо пасти стадо. Поэтому и заслужил прозвище «пастух».

После войны эта любовь к животным, к неприхотливому крестьянскому труду сослужила хорошую службу Федьке. Много лет подряд нанимала его деревня пастухом для стада личных коров. Кто жил в деревне, тот знает: на эту должность абы кого не выберут – корова здесь для всех семей главная кормилица. И хоть посмеяться над пастухом, который умеет лишь коровам

«хвосты крутить», желающих всегда хватает, настоящих пастухов в деревне ценят. Знали в деревне: пока пасет стадо Федыка-чилименок, все в стаде будет в порядке. Да и не только пасти коров, любой крестьянский труд был Федору не в тягость, а в радость. А как сено косил... Казалось бы, откуда силе браться? А вот, поди-ка, управлялся не хуже других... Невысокий, шустрый, он косил как бы не косой, а всем телом... И трава ложилась под ноги Федора, шурша ему что-то невнятное...

Жену Федору тоже помогла выбрать мать: сноха Мария была неутомима в крестьянском труде, нескандальна в жизни, и также, как и Федор, не одолела первого класса школы. В городе Федор был один только раз: ездил вместе с матерью хоронить тетку к Мане, сестре, на Урал. Анна осталась погостить у дочери после похорон, а Федора проводили одного, купив ему билет и снабдив продуктами на дорогу. Он умудрился потеряться с билетом в кармане, затем кое-как добрался до дома, не без помощи добрых людей. Все чилимьята свято выполняли просьбу матери: не оставляли его одного, без помощи. Задумал Федор строить новый дом вместо старого, отцовского – помогали все. Сестра Маня высылала посылками гвозди, рукавицы, скобы, краску для стройки; братья Иван и Михаил (самый младший) приезжали и по-могали строить, сестра Лиза и няня помогали, как говорили в деревне, «и сырым, и вареным». Анна могла бы доживать с любым из своих детей, все ее звали, но она жила с семьей Феде, помогла ему вырастить троих детей: двух сынов и дочку. Дом Федя выстроил на зависть всем; гордо, на высоком фундаменте, сиял стеклами окон большой пятистенок, срубленный из лиственницы. Анна все смотрела, щуря блеклые глаза, на дом сына, радовалась, смахивала слезы:

– Вот отец-то не дожил до радости-то такой...

Казалось бы, живи, радуйся, Федыка... Но не тут-то было.

В 1960–1970-е годы в деревне процветало самогонварение. Гнали самогон из зерна, был он похож на чуть-чуть забеленную молоком водичку, крепость его была невелика. Зато сивушный запах от самогона валил с ног. Чтобы напиться допьяна таким напитком, пили его большими стаканами. Что уж говорить, почки у колхозников без работы не оставались – сколько жидкости надо перекачать! Ни одно застолье в деревне, ни одна свадьба, ни одни проводы в армию или на пенсию не обходились без первача, как ласково называли его в деревне. Да и где было колхозникам брать денег на водку? Оплата трудней осуществлялась сельхозпродуктами. Если что-то заработал в частном хозяйстве – кроме того, что надо есть, надо же еще и одевать детей, учить их и прочее. Борьба же с самогонварением осуществлялась только на словах. Гнали, ни от кого особо не скрываясь. Пили все, и это не считалось чем-то позорным или страшным. Наоборот, это стало, чуть ли не поводом похвалиться перед соседями своим «геройством». Наиболее дальновидные люди в деревне отправляли подрастающих детей в город: учиться, работать, лишь бы не спиваться в деревне. Рассуждали:

– Там, чай, каждый день надо на работу ко времени. Не разгуляешься...

Пил и Федыка-чилименок, не отставал от других. Беда грянула неожиданно-негаданно... В декабре колхозники готовили лес за Сурой. Морозы стояли градусов под 30... Мужики были рады, подвернувшейся работе (в зимний период колхозников «наряжали на работу» редко), не обошлось на морозе и без выпивки... К вечеру вернулись на лошадях, на телегах домой. Федор не вернулся...

Жена метнулась по соседям:

– Где Федя?

– Рюмки собирает по деревне твой Федя... Напьется – придет... – еле выговорил сосед.

Он не пришел и к ночи... Ночью организовали поиск, поехали в Засурье... Наткнулся на замерзшего Фёдора его сын Николай, подросток семнадцати лет... Федор просто заснул у стога, зарывшись в сено. Бригадир не проверил, все ли колхозники поехали домой, закончив трудиться... Он, как и все, был пьян... Федору было 44 года. Нечеловеческие вопли издавала у гроба сына парализованная Анна...

Глава IV

Последыш Мишка

Миша был последним из чилимьят. Ко времени начала войны ему было всего два года, Рос он, не в пример предыдущему Федыке, крепким, толковым ребенком. Может, сказалось то, что Анна долго кормила сына грудью. Надеялась на то, что хоть этим поддержит мальчика в голодные военные годы. А саму-то Анну Мишка «высосал в ниточку», как говаривали соседи. Похож Михаил был на Ивана, такой же крепкий, невысокий, ладный. Вот только чуть приспущенное от рождения веко правого глаза придавало лицу Миши, да и всему его облику, хитрый и немного загадочный вид. Михаил успешно окончил семь классов школы, отслужил в армии, вернулся домой, в деревню. Шел 1958 год. По пути из армии заехал к Ивану и Марии на Урал, в Тагил. Ему обрадовались, оставляли жить, даже невесту Иван хотел найти. Миша смеялся: – Чай, дело нехитрое... Сам справлюсь. Рано еще, погулять охота... Пожил две недели... Тянуло домой, к матери. Поехал на родину...

В послевоенной деревне радости мало: жили трудно. Подошел к Михаилу брат Федор:

– Ты, Миш, как думаешь: в деревне жить али в город махнешь?

– А тебе что?

– Да ты же сын последний, по обычаю мать с тобой должна доживать. А ежели уедешь, я буду дом строить да мать дохаживать.

Задумался Миша. Все же решил ехать в город, но не так далеко, как Иван с Маней. Уехал в районный центр – городок Шумерля. Закончил курсы – стал шоферить. Казалось бы, живи – радуйся. Не тут-то было. Влюбился Михаил, да как... В свою же, деревенскую...

Сразу заметил ее, в первый же вечер, как приехал в деревню после армии. Таких, как его Мария, или просто Манька-Кузяриха (так ее звали в деревне), еще называют в народе «халдами», «охальницами». Никто не мог, как Манька-Кузяриха, первой выйти на круг и спеть вызывающе похабные частушки или высмеять незадачливых, чересчур скромных парней... А пела она так, что на другом конце деревни её слышно было... В общем, «черт в юбке», да и только... Была она не то, чтобы красива, но привлекательна для парней своей гибкой талией, смелым нравом, решительным характером. Михаил подошел, пошутил:

– Ты, Мань, как кобылка необъезженная...

– А не тебе, чилименок, объездить ту кобылку... Чай, без тебя наездники найдутся, – отбрила Манька.

И все... Пропал Мишка. Казалось ему: все в Маньке – и охальничество, и грубость – наносное, а внутри она нежная и ранимая. Просто красивая, мужики льнут, а ей надо же как-то защищаться...

Решил Михаил жениться на Маньке. Поговорил с матерью. Анна отговаривала, просила погулять, не торопиться. Никаких уговоров не хотел слышать Михаил:

– Засылай, сватов, мам...

Анна поняла: не уговорить ей сына. И пошла... сватать. Жена Федора, тоже Мария, долго вспоминала:

– Только что сказала мне: корову подои, как со стада придет...

Я скоро. Я – ей: – А ты куда собралась, мам? А она в ответ:

– Скоро я, сказала ж... Ай трудно подоить?

– И все. Нет, чтобы посоветоваться... – сокрушалась Мария.

Анна потому и не посоветовалась, что понимала: не разубедить Мишку, влюблен по уши. Сыграли скромную свадьбу, здесь же, в деревне... До сих пор сохранилась фотография: «скромная» невеста в фате отбирает у жениха бокал с вином...

Анна всегда старалась ладить со снохами, помнила о своей нелегкой женской судьбе, о том, как не принимали ее в семье Григория, искали причины, чтобы помешать им быть вме-

сте... Но знала она и другое: если хотят быть вместе, жить вместе, растить детей – все преодолеть, и будут вместе... Поэтому к выбору Михаила отнеслась сдержанно. Душа ее не лежала к Маньке-Кузьярихе, что и говорить... Не о такой жене для Михаила мечтала Анна.

– А можа, все и сладится у них... Вон он как к ней потянулся, как подсолнух к солнышку. Жалеет ее, значит... – размышляла Анна.

Даже в мыслях своих не называла Анна это чувство любовью. Не было у нее такого слова в обиходе. А мысли Анны привычно текли, как весной текут ручьи по промытому руслу:

– Слова не было, а чувство было... Все вместе, по согласию делали. Григорий не делил работу на «бабью» и «мужичью», жалел меня. Можа, и Миша такой будет, в отца...

И не замечала Анна, как все лицо становилось мокрым от слез, то ли горьких от боли утраты, то ли радостных от воспоминаний о муже...

Но насколько терпелива и сдержанна была Анна, настолько криклива и скандальна была новая сноха. Отношения не заладились сразу же. Михаил огорчился, но не сильно. Жить в деревне он не собирался, поэтому думал, что со временем стерпится – слюбится.

– Потерпи, Мань, чай, мы не с матерью жить будем, одни...

И увез молодую жену в Шумерлю, где уже работал сам. Работал он шофером, Маня устроилась в магазин уборщицей. Жили сначала в съемном частном домике, в малюсенькой комнатухе в шесть квадратных метров. Потихоньку накопили денег и купили засыпной

домик, как раз неподалеку от магазина, где работала Маня. Чтобы полегче жилось, завели поросят, кур. Работая в магазине, Мария могла купить списанную крупу подешевле; Михаил, работая на машине, мог достать и привезти комбикорм. Поросята росли, как на дрожжах. Сдавали скотину на мясо, выручали деньги. Надо отдать Марии должное: она умела не только охальничать, но и трудиться. Причем делала и то и другое одинаково: с криками, с руганью, командуя мужем, а впоследствии и детьми так, как считала нужным.

Своего первенца Михаил назвал Сашей. Через год родилась дочь. Ее в честь няни – старшей сестры, вынянчившей всех чилимьят по очереди, – Михаил назвал Евдокией, или просто Дусей. Потихоньку обживались. Жили уже не в засыпном домишке, а в новом доме, который построил Миша своими руками. Купил Михаил и мотоцикл «Урал» с коляской, так что теперь ездили в гости в деревню всей семьей на мотоцикле. Марию, заметив ее способности командовать людьми, а то и просто обхамить, оборвать человека, поставили продавцом. Ничего, она справлялась. Иногда, встречая жену с работы, Михаил слышал, как возмущались покупатели, обзывали за глаза Маньку «халдой», «обрывой». Михаил отводил глаза, боялся, что среди недовольных случайно окажутся односельчане. Думал:

– Чай, не разводиться из-за этого... Дети у нас... Неуж, как я, безотцовщиной будут?

Гнал от себя эти мысли, не давал им овладеть собой. Но уже понимал всю глубину собственной ошибки. Говорить с Маней было бесполезно. Закричит, обматерит, припомнит все существующие и несуществующие грехи Михаила и его же обвинит во всем. То, что когда-то казалось Мишке наносным, поверхностным в Маньке, то, что он считал средством защиты от пристающих мужиков, оказалась самой сущностью ее характера. Михаил смирился, уступил. Хуже было другое. Стал Михаил замечать: частенько Манька приходит с работы выпившей. Всегда находит себе оправдание: то день рождения у напарницы отмечали, то успешное окончание ревизии, то еще что-нибудь.

Сказал:

– Уходи с такой работы!

И в ответ услышал:

– А вот этого не хошь? – А далее следовал похабный жест рукой, чтобы сразу же понял муж, что она имеет в виду. С горя Мишка и сам: нет-нет, да выпьет. А выпив, плакал горькими слезами, не видя выхода из создавшего положения. Вскоре родился третий ребенок, сын Сер-

гей. Путь к разводу для Михаила был отрезан. Так он решил сам, раз и навсегда. А решив так, стал действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.